

Светлана Николаевна Филимончик

*Петрозаводский государственный университет,
г. Петрозаводск*

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ СОВЕТСКОЙ КАРЕЛИИ В 1920–1930-е гг.

На материалах Карелии рассмотрены формы взаимодействия властных институтов с творческой интеллигенцией с целью формирования механизмов управления общественным сознанием. Показана тесная связь состава, основных направлений деятельности писательских организаций Карелии 1920–1930-х гг. с изменениями в национальной политике и государственной идеологии в межвоенный период.

Ключевые слова: Карелия, советские писатели, общественные организации, управление массовым сознанием.

В советское время впервые к чтению приобщилась значительная часть жителей Карелии. Став неотъемлемым атрибутом жизни «российской глубинки», чтение содействовало росту интеллектуального потенциала общества, социальной мобильности, формированию ценностных приоритетов, обогащало коммуникативные практики. В 1920–1930-е гг. к литературному творчеству в Карелии обратилось большое число молодежи, впервые развернулась деятельность творческих союзов и литературных обществ. Перед творческой молодежью открылись новые возможности для самореализации, и в то же время настойчиво подавлялась их инициатива и творческая самостоятельность, поскольку сталинский режим рассматривал литературу, прежде всего, как важный инструмент пропаганды идеологии и политики правящей элиты. Изучение деятельности творческих союзов и организаций, объединивших в сталинскую эпоху активную часть лояльных власти граждан, позволяет рассмотреть разной степени цивилизованности формы взаимодействия властных институтов с творческой интеллигенцией с целью формирования механизмов управления общественным сознанием.

Деятельность первых писательских организаций Карелии получила освещение в исследованиях филологов Карелии. Наиболее ценен проведенный ими анализ художественных текстов 1920–1930-х гг. Э. Л. Алто, Ю. И. Дюжев, Е. И. Маркова, Э. Г. Карху, М. Ф. Пахомова и другие литературоведы стремились рассматривать художественные произведения

в контексте культуры своего времени. Ученые касались работы литературных организаций, характеризуя общественную позицию писателей Карелии, деятельность региональных литературно-художественных журналов [Летопись 1963; Очерк 1969; Алто 1997; История литературы Карелии 2000].

Первые работы историков о творческих союзах литераторов опубликованы в годы «перестройки» [Афанасьева 1989; Черненкова 1990]. Большое внимание историки уделили политике государства в области литературы и искусства. Единодушному осуждению ученых подверглась репрессивная политика сталинского режима. Е. И. Черненкова показала, что в 1930-е гг. бюрократия «научилась использовать сложнейшие переплетения интересов различных социальных групп, манипулировать ими» с целью «обеспечить полную лояльность творческой интеллигенции режиму» [Черненкова 1990: 149]. Различные механизмы управления писателями и контроля над художественным творчеством в 1930-е гг. рассмотрел М. Юликангас [Юликангас 2000, 2009]. По ряду вопросов мнения и оценки исследователей 1990–2000-х гг. разошлись. А. И. Афанасьева делала акцент на росте профессиональной и художественной зрелости литературы Карелии, хотя отмечала и ощутимые потери и издержки в художественном творчестве. М. Юликангас пришел к выводу, что к середине 1930-х гг. литература советской Карелии оказалась в тупике, так как слишком мало созданных в то время произведений имели художественную ценность. обстоятельно рассмотрено влияние изменений в национальной политике на судьбы и творчество литераторов Карелии на материалах середины 1930-х гг., влияние политического курса конца 1920-х гг., конца 1930-х гг. на деятельность писательских организаций прослежено в общем виде. Автор данного исследования ставит задачей показать в динамике тесную связь состава, основных направлений деятельности писательских организаций Карелии 1920–1930-х гг. с изменениями в национальной политике и государственной идеологии в межвоенный период. В ходе работы использовались конкретно-проблемный, генетический и историко-сравнительный методы.

Источниковую базу исследования составили документы Российского государственного Архива литературы и искусства, Национального архива Республики Карелия, Научного архива Карельского научного центра РАН. Достаточно полно характеризуют основные направления деятельности Карельской ассоциации пролетарских писателей отчеты о работе, протоколы первых заседаний КАПП, которые хранились в семейном архиве Т. К. Трифионовой, были переданы ее сыном в 1960-е гг. литературо-

веду М. Ф. Пахомовой и теперь находятся в Научном архиве КарНЦ РАН. Хранящиеся там же автобиографии и анкеты позволили представить литературный опыт, ожидания, мотивы вступления в ассоциацию первых членов КАПП. В НА РК и РГАЛИ важными для данного исследования явились протоколы заседаний собраний писателей второй половины 1930-х гг., стенограмма Первого съезда советских писателей Карелии 1940 г., в которых транслируются политические и идеологические установки власти, отражена специфика коммуникации в писательском сообществе, между властью и интеллигенцией. Деятельность писательских организаций широко отражена в республиканской печати. Газетные и журнальные материалы отличаются односторонностью – то уничижительной критикой, то рапортоманией, тем не менее они создавались в соответствии с политическими приоритетами и важны для характеристики изменений политики сталинского режима в отношении творческой интеллигенции. Хранящиеся в НА РК воспоминания А. М. Линевого созданы в брежневскую эпоху. В них освещены в основном вопросы профессиональной коммуникации писателей. Спустя десятилетия, автор критически воспринимал свой первый роман «Доктор Подобин», возвращаться в памяти к его разгромной критике в 1930-е гг. не желал, хотя архивные документы показывают, что в конце 1930-х гг. Линевакский отстаивал по мере сил свое право на творческий поиск. В целом имеющиеся в распоряжении автора источники позволяют решать поставленные в данном исследовании задачи.

Первая общественная организация литераторов Карелии возникла в 1926 г. при русскоязычной республиканской газете «Красная Карелия». Газета испытывала острую нехватку журналистов и стремилась вовлечь в орбиту своей деятельности творческую молодежь. При этой газете и прежде создавались литературные объединения, однако они быстро распадались. Появившийся в мае 1926 г. литературный кружок [КК 1], казалось, ждала та же участь. Однако его участники решились выйти за стены редакции, установили связь с Всероссийской ассоциацией пролетарских писателей (ВАПП), получили ее поддержку и 8 июля 1926 г. заявили о создании Карельской ассоциации пролетарских писателей. Целью новой организации провозгласили борьбу «за гегемонию пролетарской литературы» [КК 2].

Большинство членов ассоциации были тесно связаны с политико-просветительной деятельностью – являлись сотрудниками органов советской и партийной печати, служащими республиканских Наркоматов и учреждений, учителями. Литературный опыт большинства – это публикации

в газетах. Только несколько человек являлись авторами книг, в том числе ликвидатор неграмотности Мяндусельской волости Никифор Трифонов [НА КарНЦ РАН 2: 12] и заведующий коммерческо-экономическим отделом Мурманской железной дороги Николай Кашменский [НА КарНЦ РАН 1: 1]. Они издали сборники стихов, весьма далеких от текущей политики. Так, в стихотворении «Над бездной» (сборник «У Полярного круга») Кашменский воспевал мощь Ледовитого океана:

С утра в снастях и скрип, и визг,
Седой простор играет нами,
Летит над шаткими бортами
Несметный рой соленых брызг.
Темны, суровы небеса,
И с каждым часом все угрюмей.
Как жалко тонут в грозном шуме
Земные наши голоса.

[НА КарНЦ РАН 1: 1]

В июле 1926 г. в КАПП входило 17, через полгода – 31 человек [НА КарНЦ РАН 1: 22]. В руководство (бюро КАПП) вошли учитель Тамара Трифонова (ответственный секретарь), врач Терентий Алимов, политэмигрант Ялмари Виртанен (в то время – единственный финн в КАПП). В отчете о работе ассоциации за 1926 г. Т. Трифонова подчеркнула активность и инициативность своих товарищей: «Несмотря на ряд недочетов, работа идет. Важно то, что снизу, совершенно самостоятельно, самостоятельно, добровольно» [НА КарНЦ РАН 2: 23].

В условиях активизации миграционной активности в конце 1920-х – начале 1930-х гг. состав первой литературной организации Карелии значительно обновился. Часть активистов уехала учиться или работать в столичные города (Т. Трифонова, Н. Гаупт и др.), а оттуда прибыли на работу выпускники советских вузов и техникумов (А. Линевский, С. Колосенок и др.). В годы первой пятилетки активизировалось переселение в Советскую Карелию участников рабочего движения Финляндии, финских иммигрантов из США и Канады. В это время включились в литературную работу в Карелии Э. Виртанен, А. Висанен, Т. Вятяйнен, Л. Косонен, М. Рутанен и др. [Очерк 1969: 94].

КАПП активно поддерживало руководство республики, в котором также ведущую роль играли финны-политэмигранты. Команда Председателя правительства Карелии, в прошлом депутата Финляндского сейма, члена социал-демократической партии Финляндии Эдварда Гюллинга проявила лояльность Сталину во время коллективизации и экономических реформ

конца 1920-х гг. С их точки зрения, успехи индустриализации Карелии показывали трудящимся Северной Европы преимущества социализма, а небывалый экономический кризис на Западе вел к революционной ситуации. Политэмигранты в Карелии готовились к новому штурму капитализма. Местная интеллигенция должна была оказать помощь пролетариату. Важно было создать в искусстве советской Карелии образы героев пятилетки, преодолевающих препятствия, преобразующих действительность. Предполагалось, что после Финляндской революции финно-угорские народы объединятся в едином социалистическом государстве, и литературный финский язык станет языком их общения. С 1929 г. ускорилось введение финского языка в школах, пунктах ликбеза, использование его в деятельности просветительных учреждений, советских и партийных органов, хотя доля финского населения в Карелии в это время не превышала 3%.

К 1932 г. численность членов КАПП выросла до 90 человек. Ассоциация делилась на секции по национальному признаку. Русская секция насчитывала всего 10 человек, в основном это были сотрудники русскоязычных газет [НА РК 3: 38]. Самой многочисленной была финская секция. Значительно усилилось в составе КАПП партийное представительство. Финская секция КАПП в Петрозаводске насчитывала 35 человек, из них 27 являлись членами и кандидатами в члены ВКП(б). В Ребольской ячейке большинство являлись членами или кандидатами в члены ВКП(б), в Кондопоге – каждый третий. Хотя организация стремилась привлечь в литературу рабочих, только ячейка в Кондопоге была пролетарской по составу: в нее входило 15 человек, это были в основном финны, работавшие на Бумажной фабрике. В целом преобладали служащие и интеллигенция. Так, в Ругозере членами КАПП являлись 14 человек, из них половину составляли советские и партийные работники, половину – учителя и библиотекари [НА РК 3: 38].

Финская секция КАПП сотрудничала с финской секцией Ленинградской ассоциации пролетарских писателей (ЛАПП). Литераторы Карелии печатались в литературно-художественном журнале на финском языке «Soihtu» («Факел»), выходившем в Ленинграде в 1927–1930 гг. В журнале прошла дискуссия об искусстве будущего, о концепции личности. Звучали суждения о важности изображения в искусстве «живого человека», мира его души, но доминировала позиция, что «копанье в душе» – просто отрыв от масс. Так, Рагнар Руско прямолинейно утверждал: «Мы должны описывать, изображать и воспевать индустриализацию, пятилетний план, коллективизацию» [Алто 1989: 41].

С 1928 г. финская секция КАПП издавала в Петрозаводске журнал «Punakantele». В декабре 1930 г. он объединился с «Soihtu». Теперь журнал совместно «вели» финские секции КАПП и ЛАПП, хотя организовать спаянную работу оказалось непросто. Возникло много разногласий: ленинградцы упрекали петрозаводчан в недостаточной активности, те критику воспринимали как «выпады против КАПП» [Алто 1989: 57]. В 1932 г., подчеркивая стремление участвовать в «социалистическом штурме», журнал переименовали в «Rintama» («Фронт», 1932–1937).

В 1931 г. появилось печатное издание у русской секции КАПП – журнал «Ударник слова». Его главной задачей стало освещение хода социалистического строительства в Карелии. Больше всего слали в редакцию стихов на злободневные темы, их художественный уровень был низким, однако пристальнее всего всматривались в политический облик авторов. Так, А. Беломорскому, приславшему стихи о всеобуче, редакция советовала «овладеть марксистско-ленинской идеологией, чтобы не писать бесклассовые стихи» [Ударник 1931: 16, 17].

Встречи в литературных кружках, на литературных диспутах дополнились более официальными мероприятиями. В сентябре 1929 г. и в феврале 1931 г. прошли Всекарельские конференции пролетарских писателей. На них были заслушаны доклады о работе финской, карельской и русской секций КАПП, о подготовке кадров драматургов, о развитии литературных кружков. В феврале 1931 г. было избрано правление КАПП, Ялмари Виртанен стал ответственным секретарем ассоциации. Изменилась организационная структура КАПП: основные направления деятельности координировали три сектора – организационный, творческий, учебный.

Анализ литературного процесса на конференциях был подменен «разбором творчества» членов ассоциации. Прежде всего, рьяно («с большевистской прямотой») разоблачались идеологические уклоны [КК 7]. Чаще всего их выявляли в текстах, посвященных жизни деревни.

Особо досталось самым активным членам ассоциации. В 1930–1931 гг. издательство «Кирья» опубликовало два поэтических сборника Леа Хело (наст. имя Тобиас Гуттари). Он учительствовал в сельской глубинке, преподавал в совпартшколе, заведовал Видлицкой школой, был членом сельсовета. В 1929 г. принят переводчиком в редакцию «Красной Карелии», затем заведовал деревенским отделом в республиканской газете «Пунайнен Карьяла». В 1930 г. вступил в партию. В 1927 г. опубликованы его первые стихи, а в 1930 г. Леа Хело уже назначен редактором литературно-художественного журнала «Punakantele» [НА РК 6: 64]. Лирику поэта отличали доверительность и изысканность интонаций,

с сочувствием описывая традиционный крестьянский уклад, он приветствовал ростки нового в жизни земляков [Алто 1997: 48–108]. Однако Леа Хело был обвинен в том, что «неверно» описывал жизнь сельского учителя, подчеркивал трудности деревенского быта и формировал у читателя чувства безысходности и беспросветности. В 1931 г. Леа Хело был снят с поста редактора журнала.

Резкой критике КАПП подвергся Лаури Луото (наст. имя Брунэ Шегрен). Он вырос в Финляндии, несколько лет работал лесорубом и шахтером в Америке, вернувшись на родину, включился в рабочее движение, после поражения Финляндской революции 1918 г. эмигрировал в Советскую Россию. Проскальзывали подозрение и зависть к его успехам: в 1925–1929 гг. Лаури Луото издал в Америке четыре книги, в том числе трилогию о Финляндской революции. Он первым попытался художественно осмыслить это переломное событие в жизни своего поколения. Революция предстает в его произведениях как мощная стихия, суровое испытание. Автор надеется преодолеть социальные противоречия через возвращение к традициям крестьянской жизни, к единению с природой, нравственное самосовершенствование [Очерк 1969: 75]. В вину писателю ставилось то, что он представил в своих книгах крестьянское, а не пролетарское видение революционной эпохи [Ударник 1931: 12]. Критике подверглась также книга Лаури Луото о современной жизни советской России – «Ледовитый океан бушует» (1931). Автора упрекали за то, что вместо того чтобы показать классовую борьбу в колхозах, он сосредоточил все внимание на таинствах и мистике Севера [РГАЛИ 1: 38].

Появилась такая форма взаимодействия, как встречи писателей с руководителями республики. В ноябре 1931 г. членов КАПП и бригаду писателей из Ленинграда приняли Председатель СНК КАССР Э. Гюллинг и первый секретарь обкома Г. Ровио. Политики поставили перед литераторами задачу: представить историю Гражданской войны и ход социалистического строительства в Карелии [КК 4]. Через несколько месяцев вышел в свет альманах «Зеленый фронт» (1932). Его название определено главной задачей Карелии в первой пятилетке – наращивать объемы заготовок древесины, так как лесной экспорт давал валюту для индустриализации.

Руководители ассоциаций пролетарских писателей призывали сплотиться вокруг указаний партии, создать «Магнитострой литературы», несмотря на это, в 1932 г. ассоциации были распущены. Одновременно прекращалась деятельность других литературных организаций. В условиях «социалистического наступления» власть усиливала регламентацию

духовной жизни общества. 23 апреля 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление «О перестройке литературно-художественных организаций», в котором предлагалось объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти, в единый Союз советских писателей. Новая организация должна была добиться единого коммунистического руководства в литературе, связать творческую работу писателей с политическими задачами современности, установить товарищеское сотрудничество коммунистов с беспартийной «писательской массой», изолировать классовых противников в литературе [Между молотом и наковальней: 14, 128, 221].

Началась работа по созданию единых писательских организаций в автономных республиках и областях РСФСР. Оргкомитет в Карелии развернул активную работу с осени 1933 г. В это время в Оргкомитет входили иммигранты Ялмари Виртанен, Эмили Паррас и Оскар Иоганссон. Они выросли в далекой от литературы среде, воспитывались в рабочих семьях. О. Иоганссон начал трудовой путь чернорабочим в Гельсингфорсе, Я. Виртанен – токарем на одном из петербургских заводов, Э. Паррас – шахтером в США. Я. Виртанен и О. Иоганссон активно участвовали в Финляндской революции 1918 г. После ее подавления бежали в Советскую Россию (Иоганссон – после двух лет тюрьмы). Э. Паррас, проживший более двадцати лет в Америке, был выслан из США в 1932 г. за пропаганду коммунистических идей. Все трое имели большой журналистский и редакторский стаж в рабочей периодике. В то время они были самыми опытными литераторами Карелии: опубликовали сборники стихов (Э. Паррас, Я. Виртанен), романы (Э. Паррас, О. Иоганссон), другие литературные произведения. Судьба организаторов Союза трагична: О. Иоганссон расстрелян в 1938 г., Э. Паррас и Я. Виртанен погибли в заключении в 1939 г.

Помимо известных писателей в 1933 г. в оргкомитет входили начинающие литераторы ленинградец Станислав Колосенок и выросший в Северной Карелии Николай Яккола. Оба прибыли на работу в Петрозаводск в 1931 г. по мобилизации Ленинградского обкома партии. С. Колосенка направили в республиканскую газету «Красная Карелия» и Карельский радиокomitee [НА РК 16: 10]. Карел Н. Яккола возглавил цензурный орган – Карлит, но вскоре перешел на преподавательскую работу в Карельский пединститут. Характерно, что председатель Оргкомитета Н. Яккола и член оргкомитета С. Колосенок в 1934 г. не войдут в состав Союза. В оргкомитете они тащили на себе рутинные организационные обязанности и обеспечивали «идеологическую чистоту».

11 июня 1934 г. в Летнем театре в присутствии членов правительства, ЦИК, ответственных партийных работников Карелии, представителей Ленинградского и Всесоюзного оргкомитетов открылась I Всекарельская конференция писателей. На ней были заслушаны доклады о прозе финских (У. Руханен) и русских (Люфанов) писателей, о русскоязычной (В. Саянов) и финноязычной (Я. Виртанен) поэзии, о национальной драматургии (Р. Руско), о литературной критике (Н. Яккола).

В отличие от конференций КАПП 1929–1931 гг. в выступлениях литераторов на первый план вышла задача повышать литературное мастерство. Критиковали тех, у кого не доставало культуры речи, не получалось выстроить сюжет, преодолеть поверхностность в раскрытии характеров. Докладчики настаивали: в Союз будут принимать только тех, кто действительно талантлив [КК 6].

В КАППовском ключе выстроил выступление заведующий отделом культуры и пропаганды ленинизма обкома ВКП(б) П. Хюппенен, требуя относиться к художественному тексту как к сочинению политическому: «Никакого либерализма, никакого попустительства к произведениям аполитичным или политически вредным мы допускать не должны». П. Хюппенен клеймил «литературную обломовщину», призывал писателей резко критиковать политические ошибки и бороться с местным национализмом [КК 7].

На этой конференции в июне 1934 г. была создана общественная организация – Союз советских писателей Карелии (ССПК). В Союз вступило 13 человек. Их статус внутри организации различался: 8 человек стали членами Союза, 5 человек – кандидатами. Численность новой организации оказалась намного меньше, чем ликвидированной КАПП. Количество членов КАПП в некоторых населенных пунктах (например, в Кондопоге – 15, Ругозере – 13) была сопоставима с численностью новой писательской организации всей республики. Большинство вступивших являлись членами и кандидатами в члены ВКП(б) – из 13 членов 9. Это еще раз показывает, что Союз советских писателей должен был усилить влияние партии среди интеллигенции. Поскольку утверждал членов творческого союза центр и было немало организационной неразберихи, состав республиканской организации после I Всекарельской конференции несколько изменился: в апреле 1935 г. в ССПК входило 12 членов и кандидатов, в том числе 8 финнов и 1 карел [НА РК 7: 5].

Большинство членов Союза советских писателей Карелии составляли эмигранты из Америки и Финляндии. Вновь возглавил общественную организацию писателей Я. Виртанен. Так же как в КАПП, в Союзе

сохранилось деление на русскую и финскую секции. По воспоминаниям А. Линевского, секции действовали изолированно друг от друга. Прежде всего, сказывался языковой барьер: русские литераторы совсем не знали финского языка, из финнов говорили по-русски только Я. Виртанен и Р. Руско [НА РК 31: 5].

В 1935 г. правительство Карелии приняло ряд мер в поддержку членов ССПК: организации выделялась дотация из республиканского бюджета, правительство обязалось повысить авторский гонорар, предоставлять писателям ежегодно оплачиваемый творческий отпуск, выделяло в Доме отдыха Маткачи комнату с двумя годовыми путевками для творческой работы и отдыха членов ССПК [НА РК 8: 22].

Широко праздновались в Карелии юбилеи членов ССПК. В 1936 г. торжественно отмечалось 30-летие литературной деятельности Я. Виртанена. Организацией юбилея занималась Правительственная комиссия, в которую вошли Секретарь Карельского обкома ВКП(б) А. А. Ирклис, Председатель ЦИК КАССР Н. В. Архипов, Председатель СНК КАССР А. И. Бушув. К юбилею был запланирован выпуск сборников стихов на русском и финском языках. Причем часть тиража должна была быть издана на особой бумаге, с высоким качеством полиграфического оформления для распространения в Америке. В газетах вышли литературные страницы в честь Я. Виртанена, ему посвятили радиопередачу, в библиотеках организовали выставки книг, а в школах и на предприятиях провели собрания в честь юбиляра. В день юбилея в Доме культуры прошел торжественный вечер с участием рабочих и общегородского актива. ЦИК КАССР выделил поэту благоустроенную квартиру в новом Доме специалистов и обязался построить ему дачу. Расходы на проведение юбилея были приняты на счет правительства республики [НА РК 10: 1–7].

28 февраля 1937 г. как «событие большой политической важности» отмечен юбилей Х. Тихля [НА РК 11: 10]. В юбилейном году планировалось издать на русском языке сборник рассказов Х. Тихля. Юбиляру посвятили радиопередачу. В Доме культуры состоялся литературный вечер, а после него товарищеский ужин. Было принято решение выдать писательнице 3 тыс. руб. на оборудование ее дачи на Бараньем Берегу.

Важную роль в развитии литературного процесса играл орган ССПК – финноязычный литературно-художественный журнал «Rintama». С 1934 г. он издавался в Петрозаводске, тираж составлял 1500 экземпляров и более. Ответственным редактором литературно-художественного журнала являлся Урхо Руханен. С конца 1933 г. правительство КАССР отозвало его из аспирантуры Педагогического института имени А. И. Герцена

в Ленинграде для чтения курсов по истории финской и западной литературы в Карельском пединституте. Напряженная педагогическая работа требовала всех сил, и через полгода редакторские обязанности перешли к Я. Виртанену, но и его занятость не позволила сконцентрироваться на журнальной работе. С 1934 по 1937 г. на посту редактора «Rintama» сменилось шесть человек, но заместителем редактора оставался У. Руханен, что обеспечивало определенную стабильность деятельности редакции.

В журнале публиковались Я. Виртанен, Э. Паррас, Л. Хело, С. Канкаанпя, Э. Виртанен, О. Иоганссон и др. Прежде всего, редколлегия стремилась публиковать произведения о современности, на первое место ставилась их идеологическая актуальность, эстетический уровень представлялся менее важным. Тем не менее журнал пытался организовать литературную учебу начинающих авторов, открыл отделы «Нашим внештатным корреспондентам», «Отдел начинающих», «Критика критики». Современное состояние финноязычной литературы обстоятельно анализировали на страницах журнала Л. Хело, Н. Яккола, У. Руханен, А. Висанен и др. В ряде случаев стремление придать публикациям остроту оборачивалось политическими нападками и приклеиванием ярлыков [Алто 1989: 57–83]. В середине 1930-х гг. отдел беллетристики заметно сократился, увеличилось число переводных материалов.

Значительно выросли возможности публикации литературных произведений членов ССПК благодаря тому, что из Ленинграда в Петрозаводск переместилось издательство «Кирия». В нэповскую эпоху кооперативное учреждение, в 1933 г. оно было преобразовано в издательско-полиграфический трест при СНК КАССР. Возглавил «Кирия» Т. Н. Термяля, активный участник революционного движения в Финляндии. На работу в издательство охотно принимали финских иммигрантов. Переселенцы почти не знали русского языка, зато прекрасно владели финским языком, на котором печаталось подавляющее большинство текстов. Передав выпуск газет и журналов «Карпартиздату», издательство «Кирия» сосредоточилось на издании книг, весьма продуманно распределив их по тематике: 27 % названий составляли политические издания, 24 % – технические, 25 % – художественные и детские, 24 % – учебные книги [НА РК 19: 2].

Важное место в тематических планах издательства занимала художественная литература. С 1934 по 1936 г. в республике издано 10 книг местных писателей и поэтов, в том числе поэтические сборники Я. Виртанена и Л. Хело, романы Э. Парраса, Х. Тихля, С. Канкаанпя, повести О. Иоганссона, Э. Рауттайнена, А. Висанена, Хеймоваара, сборник рассказов Ф. Ивачева. Авторами большинства книг являлись

участники революционного движения в Финляндии. Продолжая гуманистические традиции литературы, они стремились представить читателю судьбы крестьянских семей на переломе эпох, борьбу простых людей против обнищания, их социальные ожидания. Финляндская революция 1918 г. стала для многих литераторов переломным событием личной жизни, и в творчестве они пытались осмыслить ее суть и итоги. Писатели изображали революцию возвышенно, видели в ней торжество справедливости, романтизировали революционное насилие [Алто 1997: 80, 85, 86].

В 1934–1935 г. в Петрозаводск приезжал член Союза писателей СССР Н. Ф. Рождественский, он познакомился с литературной, культурной жизнью республики и по итогам поездки подготовил докладные записки о состоянии ССПК для руководства Союза писателей СССР и обзор литературы Карелии для республиканской печати. Его «расклад» литературных сил республики в середине 1930-х гг. интересен как взгляд изнутри системы и в то же время чуть со стороны. Наиболее ценным вкладом в литературу Карелии Рождественский признавал написанный еще в США роман Э. Парраса «Юмюваара». Роман характеризовался как первое произведение о полувековой борьбе пролетариата Финляндии и как текст высокого художественного уровня: «действующие лица романа живые, настоящие люди». Высокую оценку рецензента получили книги Лаури Луото о Гражданской войне в Финляндии. Рождественский высоко оценил художественный дар и профессионализм Лаури Луото: «За несколько лет им написано столько томов, сколько с трудом смогут осилить многие маститые писатели за десятки лет своей литературной деятельности» [РГАЛИ 1: 3]. Из произведений, посвященных советской Карелии, рецензент выделил очерки об индустриализации республики (О. Иоганссона «Кондопога – ударная работа», С. Норина «Взорванные горы» и др.). Он отметил как важность поднятых в них тем, так и недостаточное мастерство в их раскрытии. Особняком стояла в обзоре характеристика творчества Х. Тихля, автора шести изданных в Финляндии книг. Герои Х. Тихля – маленькие люди старого времени с их повседневными заботами, радостями и переживаниями, что мало соответствовало духу эпохи «социалистического штурма». Однако творчество Х. Тихля оценивалось высоко, подчеркивалось, что ее книги увлекают, легко читаются [КК 5].

В середине 1930-х гг. общественно-политическая ситуация в Карелии существенно изменилась. Сталинское руководство отстранило от работы, а затем и физически уничтожило когорту республиканских управленцев и политиков, выдвинутых в 1920-е – начале 1930-х гг.

Для Гюллинга Советская Карелия была, прежде всего, форпостом социализма на Севере Европы, а в середине 1930-х гг. сталинское руководство, рассчитывая на антифашистский союз с западными державами, горячую пропаганду идей мировой революции притормозило и вообще приписало ее опальному Троцкому. Большевики взяли на вооружение новую идеологическую концепцию, в которой основной упор делался на защиту геополитических интересов России и укрепление патриотизма. Важную роль в формировании гражданских качеств молодежи признали за исторической наукой. Пропаганда стала акцентировать историческую роль русского народа как опоры, «старшего брата» других народов СССР, государствообразующей нации. Вместе с тем возросла подозрительность сталинского режима к так называемым «представителям иностранных государств», в них видели проводников западных ценностей и интересов. В этих условиях центральные власти усилили давление на финских иммигрантов в Карелии. Утверждалось, что, прибыв из-за границы, финны привезли с собой сформированную в недрах буржуазного общества национальную ограниченность, с которой следовало вести непримиримую борьбу [НА РК 2: 46; НА РК 3: 77; НА РК 4: 57; НА РК 5: 50; НА РК 6: 53].

В условиях смены идеологических приоритетов ужесточилась цензура. Если прежде цензорами могли назначить перегруженных работой сотрудников районных отделов народного образования или даже редакторов газет [НА РК 21: 35], то теперь их заменяли выпускники Коммунистических университетов, имевшие партстаж не менее 4–5 лет и военную подготовку, и над ними постоянно висела угроза увольнения из-за «нехватки бдительности» [Ярмолич 2009: 190]. На основе сигнального экземпляра проводилась повторная проверка вышедших изданий. Ранее опубликованные сочинения могли переводиться в спецхран. За политические ошибки Карлит задержал книгу С. Канкаанпя «Интервенция», пьесу Л. Хело «Решение комитета» [НА РК 20: 61, 83]. В 1934 г. «по сигналам читателей» был изъят из библиотек журнал «Ахво» за публикацию стихотворения Я. Виртанена «Марш красных егерей», в котором Красная Армия была представлена наступающей, а карельские егеря – свершителями мировой революции [НА РК 20: 48]. В 1932 г. Карлит разрешил публикацию книги Лаури Луото «Олонецкая равнина», а в 1934 г. изъят ее из библиотек. Причиной стало то, что в книге подробно характеризовалась роль американских переселенцев в коллективизации Олонецкого района [НА РК 22: 46].

ССПК стал также брать на себя функции цензурного ведомства. В январе 1937 г. в Союзе обсуждали роман Отто Ойнонена «Дело Попова». Автор романа – в прошлом секретарь Союза пролетарских писателей

Финляндии, участник знаменитого похода на Кимасозеро, совсем недавно – главный редактор «Rintama», тем не менее его роман признали «классово враждебным». Союз определил судьбу рукописи: «пресек попытки автора протащить роман в издательство» [НА РК 22: 4].

Издательство «Кирья» было обвинено в том, что разжигало межнациональную рознь, опиралось на поддержку из-за рубежа [КК 8], не желало выпускать литературу на русском языке [КК 9; КК 10]. Т. Н. Термяля был уволен с работы и исключен из партии. Он направил апелляцию в Ленинградский обком партии, напомнив о своей революционной работе с 1904 г. Затем поехал искать правду в Москву, побывал в ЦК ВКП(б), ЦК КПФ, в редакции газеты «Правда», но безрезультатно [Такала 1993: 120]. В период «национальных операций» 1937–1938 гг. ведущие сотрудники треста «Кирья» были репрессированы.

Если в 1935 г. «Кирья» выпустила 320 названий книг, то в 1936 г. – 221, в 1937 г. – 146 названий. Книги на финском языке (116 названий) [НА РК 18: 122] тут же списали как «идеологический брак». Убытки составили 1,3 млн руб. [НА РК 17: 8]. Все готовившиеся к изданию книги на финском языке были изъяты из производства. В 1938 г. все учебники, изданные на финском языке, были изъяты из книготорговой сети, из библиотек и школ. Изъятые книги требовали уничтожить.

2 ноября 1937 г. СНК КАССР принял постановление о реорганизации государственного издательства «Кирья» в Карельское государственное издательство – Каргосиздат. Главной задачей издательства была признана «ликвидация последствий вредительства» [НА РК 25: 3].

В это время, когда финский язык в Карелии оказался фактически под запретом, развернулась ширококомасштабная работа по созданию единого литературного карельского языка. Под руководством профессора Д. В. Бубриха начался уникальный эксперимент: в единую систему объединялись важные черты всех диалектов карельского языка. Активное участие в работе по созданию литературного карельского языка принимали сотрудники Карельского НИИ культуры. В конце 1937 – начале 1938 г. были утверждены алфавит единого карельского языка на основе русской графики письма, издана грамматика карельского литературного языка, подготовлены учебники и словари. Осенью 1937 – зимой 1938 г. на карельский язык было переведено преподавание в первых – третьих классах школ карельских районов. В ходе работы встало много проблем: несовершенство грамматики, отсутствие единой терминологии, нехватка специалистов и др. Их решение требовало многолетней вдумчивой работы интеллигенции, финансовой и материальной поддержки государства.

В новых политических условиях тесно связанная с курсом опальных политиков писательская организация оказалась словно на пороховой бочке.

Устав Союза писателей предусматривал исключение из организации в случае «противоречия деятельности члена Союза интересам социалистического строительства» [НА РК 28: 3]. Начиная с 1935 г. исключение из ССПК начало применяться для профессиональной и общественной дискредитации писателей. Первым исключили Лаури Луото. После исключения опальный писатель оказался в социальной изоляции. Уже исключенно-го, его продолжали обличать на заседании партгруппы Союза, поскольку он «создал вокруг себя группу националистов» [НА РК 9: 19]. От членов Союза потребовали не только публичного разоблачения взглядов коллеги, но и полного прекращения контактов с ним. Осенью 1935 г. Лаури Луото был первый раз арестован и восемь месяцев провел в тюрьме.

Февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) 1937 г. прошел под лозунгами расширения внутривнутрипартийной демократии и усиления самокритики. Под лозунгом самокритики заседала партийная группа ССПК 7 и 11 июня 1937 г. С докладом выступил ответственный секретарь Союза и политический редактор (то есть цензор) издательства «Кирья» Федор Ивачев. Он клеймил «КАППовское прошлое» писателей и разоблачал буржуазный национализм. В духе самокритики оратор назвал недопустимо либеральным поведение руководства ССПК. Под либерализмом в данном случае понимались товарищеские отношения, терпимость и взаимоуважение. 5 августа 1937 г. в письме секретарю горкома ВКП(б) В. Романову парторг ССПК карел Иван Сергеев упрекал коммунистов Союза в мягкотелости, просил дать четкие указания [НА РК 9: 22], однако выполнить их ему уже не суждено, через две недели Сергеев был арестован, через месяц приговорен к расстрелу [История литературы Карелии 2000: 62].

27 августа 1937 г. на общем собрании был поставлен вопрос «О буржуазных националистах в Союзе советских писателей Карелии». Первым рассматривалось личное дело Леа Хело, автора шести поэтических книг. Известному поэту поставили в вину переезд в Карелию по приглашению «врага народа» Хюппенена («но я не знал его подлого лица»), участие в литературе «Литфронта» («впервые услышал это название в 1931 г., когда „Литфронт“ объявил о своем роспуске»), примыкание к буржуазным националистам и проведение их линии («Я всегда отрицательно относился к узко замкнутому миру финнов-эмигрантов») [Филимончик 2016: 52]. Попытки Леа Хело разбить нелепые обвинения в свой адрес оказались безрезультатны. Воздержались против его исключения из Союза только У. Руханен и Р. Нюстрем, их персональные дела также стояли в повестке дня.

На собрании резко критиковалась политика финнизации в образовании Карелии. Выступавшие отмечали, что в учебниках по литературе для средней школы две трети объема отводилось изучению литературы Финляндии, в программе по литературе в пединституте были излишне детально представлены произведения финноязычных писателей Карелии: «Классику французской литературы, другу СССР Р. Роллану отводилось 2 часа, а изучению литературного „багажа“ О. Иоганссона – 10 час.» [РГАЛИ 3: 12]. В этих перекосах обвинили лично Урхо Руханена, разработчика учебных программ и пособий по литературе. Бесплезны были его попытки оправдаться: «Я проводил финнизацию потому, что от меня этого требовали. Эту общую линию финнизации мне давал Наркомпрос» [НА РК 9: 30]. Из Союза писателей он был исключен, в 1938 г. арестован и восемь лет провел в заключении.

На следующий день собрание началось с критики финнизации театрального дела Карелии. Рассматривалась творческая работа главного режиссера Национального театра Карелии Р. Нюстрема. Ему поставили в вину то, что принимал на работу в театр финнов-иммигрантов, ставил в Национальном театре «националистические пьесы» Лаури Луото. Режиссер пояснил, что актеров из Америки в театр направил Наркомпрос, среди иммигрантов были отличные исполнители с 20–25-летним стажем, все поставленные в театре пьесы были разрешены Главлитом. Согласился он лишь с упреком, что сконцентрировавшись на театральной работе, стал меньше заниматься литературным творчеством: «Я горячо люблю литературу. Может быть, благодаря любви к литературе я стал работать в театре. Театр увлек меня целиком» [РГАЛИ 3: 15]. После исключения из Союза Нюстрем оставался на свободе всего три месяца, он умер в лагере в 1939 г.

На этом же собрании резкой критике подвергли О. Иоганссона. Речь шла уже не просто о схематизме его очерков в книге «Кондопога – ударный труд», а о «крупных политических ошибках», поскольку рассказывалось в очерках исключительно о рабочих-финнах. Иоганссон пояснил, что такова была общая линия, когда рукопись была сдана в производство, редактор вычеркнул из текста все русские фамилии, снял фотографии русских рабочих. Кроме того, в вину Иоганссону было поставлено то, что дал рекомендацию в партию литератору, который оказался «врагом народа», «не порвал с женой», у которой отец оказался шпионом и умер в тюрьме [РГАЛИ 3: 16].

Писателя, пришедшего в литературу с производства, из рабочей среды, С. Канкаанпяя клеймили за то, что издательство вернуло рукопись

его романа на доработку, а изданная книга не имеет художественной ценности. «Я отлично понимаю, что хорошим писателем человек не становится за 1–2 года. У меня еще есть силы, я пойду в лес, буду работать простым лесорубом... Надеюсь новым произведением завоевать право называться советским писателем», – с отчаянием обращался он к товарищам [РГАЛИ 3: 21]. Через несколько месяцев после исключения из Союза С. Канкаанпя был арестован и расстрелян.

30 сентября 1937 г. «Литературная газета» опубликовала статью «На поводу у буржуазных националистов». Ее обсуждали на общем собрании ССПК 29 октября 1937 г. «с большевистской прямоотой и резкостью». На этом собрании присутствовало 13 человек, из них только два человека являлись членами Союза, остальные представляли «актив». К тому времени большинство членов ССПК – финнов по национальности были уже арестованы. Пережили вал репрессий двое – Леа Хело и Х. Тихля. В 1939 – начале 1940 г. они были восстановлены в Союзе.

Решение о руководителе писательской организации приняли партийные органы. 20 февраля 1938 г. Бюро обкома партии вынесло решение о снятии Я. Виртанена с поста председателя правления ССПК в связи с «разоблачением его как врага народа». Были изъяты из библиотек, из продажи и с производства его книги, брошюры, портреты.

Таким образом, общественная организация писателей, следовавшая в фарватере политического курса республиканской властной элиты 1920-х – начала 1930-х гг., в условиях смены этого курса подверглась разгрому. Критика национальной политики «красных финнов» сопровождалась травлей людей, сведением счетов, призывы немедленно покончить со склокой повисали в воздухе. Разгромные «проработки» товарищей, демонстрация «классовой бдительности» усиливали атмосферу отчаяния и страха в литературной среде. Многие литературные произведения оказались в «спецхранах», их авторы стали изгоями или вообще были физически уничтожены. Изменив курс, власть возложила ответственность за «финнизацию» на опальных партийных и государственных работников Карелии и общественных активистов, тесно с ними связанных, в том числе писателей. Когда осенью 1938 г. вал репрессий был остановлен, пришлось вновь создать Оргкомитет ССПК. В него вошли политредактор Всеволод Королев, переводчик на карельский язык Александр Кириллов и журналист Сергей Норин. Начался прием в писательскую организацию, прежде всего, русских и карелов. Членами ССПК стали прежде кандидаты Александр Линевский и Сергей Норин. В писательский Союз был принят заведующий кафедрой литературы пединститута, кандидат филологических наук

Василий Базанов [РГАЛИ 4: 1]. Оргкомитет содействовал изданию поэтических сборников Александра Иванова, Юлии Никоновой, Ивана Кутасова, исторического романа «Возмутители» Виктора Чехова. Когда книги вышли, этих литераторов приняли в Союз. В писательскую организацию вступили также члены редколлегии журнала «Карелия» Всеволод Королев и Федор Исаков [РГАЛИ 5: 5]. В 1939 г. членами Союза советских писателей Карелии стали девять сказителей: карельские крестьяне Мария Ремшу, Матвей Коргуев, Тимофей Туруев, Анисья Вагчиева, русские крестьяне Федор Конашков, Петр Рябинин-Андреев, Фекла Быкова, Анна Пашкова, Федор Свинын. В июне 1939 г. Оргкомитет закончил работу, было избрано Правление ССПК в составе С. Колосенка, В. Чехова, М. Коргуева, В. Королева, Т. Гуттари, В. Базанова, Т. Туруева. Ответственным секретарем Союза стал С. Колосенок [РГАЛИ 5: 4, 8].

Правительство Карелии увеличило дотации ССПК из республиканского бюджета. С 1941 г. содержание творческого союза полностью перешло на государственный бюджет республики. Смета расходов ССПК на 1941 г. составила 138 тыс. руб. Для ведения организационной работы Союзу было выделено 5,5 ставки. Заработная плата ответственного секретаря Союза составляла 900 руб., его заместителя – 800 руб. в месяц [НА РК 29: 65, 71] (для сравнения укажем, что среднемесячная зарплата рабочих и служащих СССР в это время равнялась 328 руб.).

Основной задачей ССПК в 1938–1939 гг. было содействие развитию карельской литературы. У ССПК появился печатный орган на карельском языке – ежемесячный журнал «Карелия» (1938–1940). Состав его редколлегии менялся. В разное время в нее входили П. Соколов, В. Королев, В. Кириллов, Н. Богданов, Н. Гиппиев, Л. Хело и др. Далеко не все члены редколлегии имели литературный и журналистский опыт. Редактором нового журнала был назначен карел Федор Исаков – молодой работник Каргосиздата, автор нескольких стихотворений и рассказов на карельском языке [РГАЛИ 4: 4]. Тираж первых номеров журнала превышал 4 тыс. экземпляров, но постепенно он снизился до 2000–1100 экземпляров [Алто 1997: 110].

В это время в республике насчитывалось около десятка авторов – карелов по национальности. Ко времени создания журнала вышло несколько небольших книг на карельском языке: сборник Ф. Ивачева «Жернова», И. Никутьева «Марфа», А. Кириллова «Бригадир лучшей бригады». Положительно оценила критика сборник рассказов А. Тимонена на северокарельском диалекте, изданный в Петрозаводске в 1933 г., когда автору было всего 18 лет. С этого времени А. Тимонен пытался совмещать

журналистскую и литературную стезю. В 1936 г. он работал над повестью «Каменная школа», в 1938 г. написал ряд небольших рассказов на карельском языке. В 1937 г. в правлении ССПК несколько месяцев занимал должность консультанта по литературе на карельском языке [Дюжев 2014: 50–66]. Однако карельский литературный язык еще только формировался, авторы-карелы находились в начале своего творческого пути и не могли предложить нужное журналу число оригинальных произведений. Выступая на I съезде писателей Карелии, А. Тимонен размышлял: «Буду ли я заниматься литературным трудом? Буду. Но мне надо учиться писать» [НА РК 26: 157].

В этих условиях основное внимание редколлегия журнала уделяла переводческой деятельности. При ССПК была создана секция переводчиков (руководитель Леа Хело). Основной объем журнала «Карелия» был занят переводами на карельский язык произведений русской классики и советской литературы [Алто 1997: 111].

Расширились возможности публикации фольклорного материала. Огромную собирательскую работу вел Карельский НИИ культуры, а при ССПК действовала фольклорная секция (руководитель Василий Базанов). Высокую оценку специалистов получило двухтомное собрание сказок М. Коргуева, изданное в Петрозаводске в 1939 г. Тогда же были изданы сборники карельских народных песен и сказок. Вышли в свет сборник былин П. И. Рябинина-Андреева (1940), сборник «Былины Пудожского края» (1941).

Не всегда фольклорные тексты легко проходили цензуру. Символично, что в феврале 1938 г., в разгар сталинских репрессий, Карлит потребовал, чтобы в сборнике причитаний Ирины Федосовой были заменены заголовки «Похороны», «Плач на могилах», так как они «не созвучны нашему времени». Когда было набрано больше половины рукописи и часть ее отпечатана, у Карлита вообще возникло сомнение: нужно ли печатать причитания? Тогда издатели сообщили в обком партии, что о волоките с этой книгой узнал писатель Алексей Толстой, он предложил передать материал М. Зощенко и подготовить фельетон для сатирического журнала «Крокодил» [НА РК 12: 75].

В то же время охотно поощрялось создание сказителями «новин». В альманахе «Карелия» публиковались сказы о поимке карельскими охотниками и рыбаками шпионов, о зажиточной колхозной жизни, о великом Сталине и его соратниках. Так, в сказке пудожского крестьянина Ф. Конашкова «Самое дорогое» колхозницы рассказывают: «Мы молочка надоим, сливочки сольем, маслица собьем. В печь поставим, отворожим,

лепешек напечем, сметаной зальем». Самой счастливой для колхозников оказывается их колхозная жизнь: «Да никогда она не была бы такой, коли бы нам не сказали наши мудрые правители, как жить» [Карелия 1938: 76–78]. Создавая идеалистический образ советской Карелии, сказители не могли опираться на бытовую практику реальной жизни, скорее они ориентировались на утопические легенды о «народном заступнике», «избавителе», «далеких землях», «острове счастья» [История литературы: 95–98]. Многое подсказывали или даже навязывали научные кураторы. На Всесоюзном совещании по фольклору собирательница М. И. Кастрова рассказала о том, как Ф. Конашков работал над упомянутой сказкой «Самое дорогое». В этом докладе встречаем выражения «пришлось мне подсказать», «все время пыталась разъяснить», «я ухватилась за эту мысль», «после моих указаний о политической неправильности задачи», «Ф. А. покорно согласился» и т. д. [Сенькина 2012: 214–216].

В июне 1939 г. Ф. А. Конашков, Т. Е. Туруев, А. М. Пашкова участвовали в работе Всесоюзного слета певцов и сказителей. Делегаты слета прослушали лекции и доклады об итогах XVIII съезда ВКП(б), о международном положении, посетили музей В. И. Ленина и мавзолей. На встречу с ними приезжал участник спасения челюскинцев Герой Советского Союза М. Т. Слепнев. Участники слета осмотрели метрополитен, получили возможность облететь Москву на современном самолете, совершить поездку по каналу Москва – Волга. Они побывали в Большом театре, в музеях, на выставках [КК 11]. В свою очередь, сказители выступили в Доме народного творчества имени Н. К. Крупской, в Доме писателей, в Сокольническом парке культуры и отдыха. В дни съезда коллективно они сложили «письмо великому Сталину» [КК 12].

К каждому сказителю был прикреплен писатель. 14 августа 1939 г. Правление ССПК решило, что Норин будет помогать Свиньину, Базанов – Рябинину, Кутасов – Коргуеву, Ю. Королев – Вагчиевой, Линеvский – Быковой, Колосенок – Пашковой, Гуттари – Ремшу [РГАЛИ 5: 17, 18]. Так, летом 1939 г. поэт Леа Хело ездил к сказительнице М. А. Ремшу, чтобы собрать материал о ее жизни. Над биографиями сказителей активно работали и другие писатели. ССПК оплачивал выступления сказителей перед студентами и другими организованными слушателями, предоставлял безвозвратные денежные ссуды (300–500 руб.), путевки в санаторий.

Власти высоко оценили работу сказителей – членов ССПК. В 1939 г. их наградили орденами «Знак Почета», грамотами Верховного Совета Карелии. Когда в обком партии поступили жалобы, что один из награж-

денных орденом «бывший кулак», их сочли неправомочными, направленными против пожилого человека, художественное значение творчества которого бесспорно [РГАЛИ 5: 42]. Однако повседневная жизнь сказителей оставалась наполненной теми же крестьянскими тяготами, а внимание к ним «верхов» нередко даже раздражало односельчан. В беседе с собирательницей Родиной М. Коргуев сетовал: «В деревне я почувствовал зависть, как меня вызывают. Мужики говорят: „Опять врать поежжает“» [Сенькина 2012: 84].

Общественно-политическую жизнь пограничной Карелии существенно изменило начало Второй мировой войны. Сталин считал, что ему удастся использовать ослабление столкнувшихся в смертельной схватке западных стран для того, чтобы расширить коммунистическое влияние, вернуть территории, утраченные с развалом Российской империи. В марте 1940 г. после Советско-финляндской войны была установлена новая линия границы между Россией и Финляндией. Территории, отошедшие к Советскому Союзу, Сталин передал Карелии, которая была выведена из состава РСФСР и преобразована в Карело-Финскую союзную республику. До разгрома Франции советский лидер еще рассчитывал на секретные договоренности с Гитлером о разделе сфер влияния, на советизацию Финляндии, и в ноябре 1940 г. на переговорах в Берлине Молотов настаивал на дальнейшем укреплении позиций СССР на Севере Европы. Неслучайно важные государственные посты в Карелии получили бывшие члены Народного правительства Финляндии. Запрещалось переименование городов, сел, железнодорожных станций, географических объектов на бывшей территории Финляндии, включенной в КФССР [Веригин: 155, 157]. В 1940 г. работа по созданию литературного карельского языка была резко прекращена, а финский язык вновь стал широко использоваться в образовании и культуре. В докладе Председателя Президиума Верховного Совета КФССР О. В. Куусинена на Первой сессии Верховного Совета КФССР (июль 1940) подчеркивалось: «Мы к финскому языку относимся с почетом, и у нас финский язык является государственным языком, у нас печатаются книги, газеты на финском языке, обучение в школах с осени будет проходить на финском языке» [НА РК 24: 57].

Теперь все силы «Каргосиздата» были брошены на издание учебной литературы на финском языке. В 1940 г. было выпущено 2 учебных пособия на русском языке, 2 – на карельском и 39 учебных пособий на финском языке [НА РК 13: 4, 6]. Вновь издательство лихорадило из-за «кадрового голода». В 1940 г. из 9 редакторов 7 уволено из-за слабого знания финского языка [НА РК 13: 8]. Издательству срочно требовались сотрудники.

хорошо знающие финский язык, и авторы, талантливо на нем пишущие. Для других спешно организовывались языковые курсы [НА РК 15: 62].

Преобразование автономной Карелии в союзную Карело-Финскую ССР внесло изменения в деятельность ССПК. В 1940 г. у Союза появились новые печатные издания на русском и финском языках – журналы «На рубеже» и «Punalippi» («Красное знамя»). Правление ССПК утвердило редактором «Punalippi» В. Королева, с января 1941 г. – А. Эйкия. Ответственным редактором журнала «На рубеже» был назначен С. Колосенок. В условиях дефицита кадров редакторы не являлись «освобожденными», работу в журнале они совмещали с другими должностями. В состав редколлегии «Punalippi» входил также Леа Хело, в редколлегию «На рубеже» – В. Базанов, В. Чехов [НА РК 14: 1]. Активнее всех работал в журнале «На рубеже» И. Кутасов.

Издавать два литературных журнала творческому союзу, в который входило 23 литератора, было невероятно трудно. На заседаниях правления ССПК в 1940–1941 гг. постоянно ставились вопросы о деятельности журналов, об острой нехватке художественных текстов для публикации, о низком качестве переводов из-за плохого знания финского языка неопытными переводчиками [НА РК 27: 15, 24, 32]. Несмотря на трудности, до начала Великой Отечественной войны вышло 10 номеров журнала «На рубеже» и 13 – «Punalippi».

22–25 декабря 1940 г. состоялся первый съезд писателей Карелии. В выступлении ответственного секретаря ССПК С. Колосенка подчеркивалось, что главная задача писателей – художественным способом отображать нашу замечательную действительность, показать героев, преобразующих мир [НА РК 26: 2]. В этой связи немало гневных слов на съезде обрушилось на роман Александра Линевского «Доктор Подобин» (1937). Писателя ругали за то, что у него нашлось много красок для описания обывателей-интеллигентов, а образы большевиков вышли блеклыми, слабыми [НА РК 26: 20]. В докладе секретаря Союза советских писателей Карелии С. Колосенка Подобин характеризовался как вредитель, заядлый враг: «В перспективе он стал бы агентом капиталистических разведок» [НА РК 26: 64].

С докладом «О задачах литературного движения КФСР» на съезде выступил секретарь ЦК КП(б) КФСР И. И. Сюкийнен. Важнейшей задачей писательской организации он назвал выращивание кадров, работающих на финском языке [НА РК 26: 21]. На съезд прибыл освобожденный в 1940 г. из финской тюрьмы Тойво Антикайнен. Его бурно приветствовали, весь зал встал, финского революционера избрали в президиум съезда.

Об изменении политики по отношению к финноязычным писателям свидетельствовало то, что на съезде предоставили слово Хильде Тихля. Она призвала изображать жизнь правдиво, но не быть фотографом, а о литературных дискуссиях сказала так: «К молодым писателям нужно относиться чутко, критиковать не в грубой форме и, критикуя, указывать достоинства» [НА РК 26: 182, 183].

Лучшим современным произведением на финском языке на съезде была названа поэма Армаса Эйкия о Т. Антикайнене «Песня орла». Активный участник коммунистического движения Финляндии, редактор рабочих газет, А. Эйкия создал ее в тюремном застенке [История литературы Карелии 2000: 186–189]. В Карелию он прибыл как сотрудник Коминтерна, в его трудовой книжке в графе профессия было написано – политработник [НА РК 30: 2]. После Советско-финляндской войны он возглавлял Управление по делам искусств при правительстве республики. Членом ССПК А. Эйкия был избран в ноябре 1940 г. Представляя его писательскому сообществу, Т. Гуттари напомнил о преследованиях поэта финской охранкой, о его семилетнем тюремном заключении за политическую деятельность. В. Королев сказал, что познакомился с поэзией А. Эйкия в январе 1940 г., когда во фронтовой землянке услышал бодрую песню на его слова [НА РК 27: 45]. В начале 1941 г. недавно принятый в Союз А. Эйкия возглавил писательскую организацию Карелии. В начале Второй мировой войны новый натиск рабочих на империалистические правительства казался не за горами, и вновь был востребован образ писателя – революционера и интернационалиста.

Таким образом, общественные организации писателей играли важную роль в общественно-политической жизни Карелии во второй половине 1920-х – 1930-е гг. Они осуществляли профессиональную коммуникацию, оказывали материальную помощь, в целом расширили публикаторские возможности. Их печатными органами являлись литературно-художественные журналы на финском, карельском и русском языках. В то же время через писательские организации правящая элита транслировала устраивающее ее видение реальности, обозначала творческие приоритеты, осуществляла преследование неугодных. Первая общественная организация писателей была создана при содействии партийных и советских органов, в нее активно вступали политпросветработники, русские по национальности. Поначалу литературный опыт большинства был мало связан с текущей политикой. В первой половине 1930-х гг., когда Карелия рассматривалась как форпост социализма на Севере Европы, актив писательских организаций республики составляли

коммунисты-политэмигранты из Америки и Финляндии, воспевавшие интернационализм, революционный подвиг пролетариата и пафос социалистического строительства. В период сталинских репрессий они были обвинены в «буржуазном национализме» и исключены из писательской организации. Преследования и гибель ведущих писателей привели к фактическому распаду организации. В условиях усиления государственно-охранительных тенденций в идеологии первоочередную поддержку возрожденного Союза получили литературные и фольклорные произведения на русском и карельском языках. В конце 1930-х гг. более трети писательского союза составляли сказители – носители традиционной культуры карелов и русских. В начале Второй мировой войны, когда вновь оживились надежды на революционный взрыв в Европе и советизацию Финляндии, важной задачей Союза было провозглашено формирование кадров писателей, владеющих финским языком, и создание финноязычных художественных произведений. Несмотря на общественный статус, писательская организация действовала по характерным для государственного учреждения иерархическим правилам и в конце рассматриваемого периода стала полностью финансироваться из государственного бюджета.

Источники

- Карелия – Карелия: литературно-художественный альманах. 1938. Книга 4.
КК 1 – Красная Карелия: орган Карельского обкома ВКП(б) и ЦИК КАССР. 1926. 18 мая.
КК 2 – Красная Карелия. 1926. 10 июля.
КК 3 – Красная Карелия. 1931. 7 ноября.
КК 4 – Красная Карелия. 1931. 14 ноября.
КК 5 – Красная Карелия. 1934. 15 марта.
КК 6 – Красная Карелия. 1934. 15 июня.
КК 7 – Красная Карелия. 1934. 18 июня.
КК 8 – Красная Карелия. 1935. 6 апреля.
КК 9 – Красная Карелия. 1935. 17 апреля.
КК 10 – Красная Карелия. 1935. 20 апреля.
КК 11 – Красная Карелия. 1939. 30 июня.
КК 12 – Красная Карелия. 1939. 4 июля.
Между молотом и наковальней 2010 – Между молотом и наковальней. Союз советских писателей СССР. Документы и комментарии. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2010. 1021 с.
НА КарНЦ РАН 1 – Научный архив Карельского научного центра РАН. Разряд XI. Оп. 1. Д. 19.
НА КарНЦ РАН 2 – Научный архив Карельского научного центра РАН. Разряд XI. Оп. 1. Д. 54.

- НА РК 1 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 99.
НА РК 2 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 108.
НА РК 3 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 111.
НА РК 4 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 112.
НА РК 5 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 114.
НА РК 6 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 118.
НА РК 7 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 362.
НА РК 8 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 364.
НА РК 9 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 3. Д. 365.
НА РК 10 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 4. Д. 149.
НА РК 11 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 4. Д. 365.
НА РК 12 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3. Оп. 5. Д. 196/149.
НА РК 13 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 8. Оп. 1. Д. 16/148.
НА РК 14 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 8. Оп. 1. Д. 39/427.
НА РК 15 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 235. Оп. 2. Д. 4/46.
НА РК 16 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 243. Оп. 1. Д. 1/1.
НА РК 17 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 630. Оп. 1. Д. 112/1060.
НА РК 18 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 700. Оп. 1. Д. 208/1509.
НА РК 19 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 700. Оп. 1. Д. 211/1541.
НА РК 20 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 757. Оп. 1. Д. 1/5.
НА РК 21 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 757. Оп. 1. Д. 1/9.
НА РК 22 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 757. Оп. 1. Д. 2/4.
НА РК 23 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 757. Оп. 2. Д. 1/1.
НА РК 24 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 1/1.
НА РК 25 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1230. Оп. 19. Д. 78/79.
НА РК 26 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/1.
НА РК 27 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/3.
НА РК 28 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/5.
НА РК 29 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2923. Оп. 1. Д. 1/7.
НА РК 30 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 2923. Оп. 5. Д. 165.
НА РК 31 – Национальный архив Республики Карелия. Ф. 3262. Оп. 3. Д. 4/44.
РГАЛИ 1 – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 6. Д. 46.
РГАЛИ 2 – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 6. Д. 105.
РГАЛИ 3 – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 6. Д. 181.
РГАЛИ 4 – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 661. Оп. 6. Д. 233.
РГАЛИ 5 – Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 631. Оп. 6. Д. 270.
Ударник 1931 – Ударник слова. 1931. № 1.

Литература

Анто Э. Л. Советские финноязычные журналы 1920–1980. Петрозаводск: Карелия, 1989. 163 с.

Анто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 244 с.

Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии. 1918–1927. Петрозаводск: Карелия, 1983. 238 с.

Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1989. 277 с.

Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. 541 с.

Дюжев Ю. И. Народный писатель Карелии Антти Тимонен. Очерк жизни и творчества. Петрозаводск: Северное сияние, 2014. 541 с.

История литературы Карелии / Гл. ред. Н. С. Надъярных. Т. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2000. 458 с.

Летопись литературной жизни Карелии / Сост. М. Ф. Пахомова, Н. С. Полищук. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1963. 510 с.

Очерк истории советской литературы Карелии / Отв. ред. Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных. Петрозаводск: Карельское книжное изд-во, 1969. 375 с.

Сенькина Т. И. Забытые и неизвестные страницы истории фольклористики Карелии: Очерки и материалы. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. 216 с.

Такала И. Р. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х годов // Вопросы истории Европейского Севера: Сб. ст. Петрозаводск, 1993. С. 111–128.

Филимончик С. Н. Деятельность Союза советских писателей Карелии в 1930-е годы // Учен. зап. Петрозаводского гос. ун-та. 2016. № 7. С. 49–56.

Черненкова Е. И. Писательская организация Карелии в 1930-е годы // Север. 1990. № 6. С. 143–149.

Юликангас М. «Равняйте ряды!» Писатели и власть в Советской Карелии в 1920–1930-х годах // Нормы и ценности повседневной жизни. Становление социалистического образа жизни в России в 1920–1930-е годы. СПб., 2000. С. 406–473.

Юликангас М. Финское литературное движение в Карелии 1920–1930-х годов // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып. 3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 184–207.

Ярмошч Ф. К. Советская политическая цензура в эпоху «тоталитаризма» (на материалах Карелии) // Вестн. СПбГУ, сер. 2. 2009. Вып. 2. С. 187–190.

Сведения об авторе. Кандидат исторических наук, доцент Института истории, политических и социальных наук, ПетрГУ.